

УДК 81'282
DOI: 10.17223/19986645/62/6

Т.А. Демешкина

МИР ПРИРОДЫ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «БОЛОТО»)¹

Рассматривается концептуализация природного мира в диалектном дискурсе на материале концепта «болото», имеющего региональную специфику. Моделирование концепта осуществляется через обращение к семантическому полю, которое структурируется лексемами, обозначающими виды болот по различным признакам, и лексемами, репрезентирующими предметно-денотативную сферу, входящую в экосистему «болото». Лексическая классификация природной реалии дополняется анализом высказываний, эксплицирующих когнитивные основания членения мира, представленные в диалектной коммуникации.

Ключевые слова: сибирские говоры, концепт «болото», семантическое поле, региональный дискурс, обыденная коммуникация, вариативность.

Выявление возможностей, роли и специфики диалектной формы коммуникации в членении окружающего мира вписывается в более общий контекст современных лингвистических исследований, связанных с изучением вариантности как базового свойства языка. Вариантоцентрическая концепция языка лежит в основе доминантно-детерминационного подхода, апробированного при анализе различных явлений языка [1]. Диалектный материал обладает большой степенью репрезентативности для решения данной проблемы в силу некодифицированности устной формы речи. Территориальное варьирование национального языка предполагает несколько аспектов описания: а) соотношение литературных, просторечных и собственно диалектных компонентов в диалектной коммуникации; б) когнитивно-дискурсивное варьирование, проявляющееся в специфике концептуализации мира, дискурсивных практиках, наборе речевых жанров; в) трансформацию диалектной коммуникации, обусловленную природными, экономическими, культурными, экологическими процессами.

В зоне научной дискуссии находится судьба диалектов как важной составляющей части русского национального языка, по этому поводу исследователи делают разные прогнозы. Одни считают, что диалекты безвозвратно уходят в прошлое и на смену им приходит промежуточная форма между диалектом и литературным языком – региолект [2]. Другая часть исследователей отмечает, что диалекты, как и литературный язык, подвергаются трансформации, но не исчезают, а остаются в иных формах суще-

¹ Работа выполнена при поддержке НИР № НУ 8.1.05.2019 «Природный мир Сибири в зеркале диалекта».

ствования [3]. Обе точки зрения нуждаются, на наш взгляд, в дополнительной аргументации. В качестве такой аргументации может быть предложен анализ конкретных фактов языкового существования современного села, испытывающего влияние разнородных тенденций и тяготеющего, с одной стороны, к сохранению традиционного жизненного уклада, с другой стороны, подверженного влиянию процессов глобализации. Актуальность исследования определяется обращением к способам отражения природы в диалекте по двум причинам. Во-первых, по наблюдению диалектологов, степень сохранности отдельных участков лексической диалектной системы неодинакова. Это утверждение позволяет выдвинуть гипотезу о том, что, поскольку сельское существование тесным образом связано с природой и зависит от нее, лексика, описывающая природный мир, образует семантическую зону, в меньшей мере подверженную внешнему влиянию. Во-вторых, что является еще более важным, выбранный материал представляется репрезентативным для изучения когнитивных процессов, варьирующихся в разных видах коммуникации (обыденной, научной), связанных с таксономией природных объектов. Исследователи отмечают, что «народная таксономия объектов природы отличается от таксономии, отражающей знания носителей литературного языка. В отдельных семантических сферах она **по своей подробности, детальности может быть ближе к научным классификациям** (выделено мною. – Т.Д.), естественно, отличаясь от них по существу» [4. С. 36]. Исследователи обращают внимание на тот факт, что, «несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия. Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту Л 12 ‘густые заросли кустарника’: бачажник, густарник, зарастель, кустарщина, палежник, чапарыжник, настельник; Л 28 ‘лес по берегу реки’: береговик, береговина, бережина, бережник, паберега, займище, левада; Л 26 ‘лес, растущий на болоте’: болотник, болотняк, мокрятник, омшара, топляк, топняк, согра, сохра, шохра и др.)» [5. С. 330].

Значимость предпринятого анализа определяется возможностью использования его результатов для формирования новой междисциплинарной отрасли знания – региональной лингвистики (в части вычленения объекта исследования), поскольку региональные варианты русского языка, на наш взгляд, создаются преимущественно вариантами членения природного мира той или иной территории. Природная специфика исследуемого региона определила выбор конкретной природной реалии для анализа. Такой реалией является болото в силу того, что Западная Сибирь, как отмечают исследователи естественно-научного направления, является одним из самых заболоченных регионов не только России, но и мира. Так, площадь болот в Томской области, по различным оценкам специалистов, составляет от 30 до 50% [6, 7]. По данным официального сайта Администрации Том-

ской области, в настоящее время в области насчитывается более полутора тысяч болот, на которых произрастает достаточно большое количество уникальных растений, занесенных в Красную книгу [8]. Болото как природный феномен описывается в географическом, экологическом, биологическом аспектах. В Большой российской энциклопедии под болотом понимается «участок земной поверхности, характеризуемый избыточным увлажнением, гидрофильностью напочвенного растит. покрова, особым типом почвообразования и наличием торфа. Б. отличаются от заболоченных земель; формальным признаком их различия служит толщина слоя торфа: в России и ряде др. стран для неосушенных Б. – не менее 30 см» [9]. В этом определении отличительными признаками болота как части ландшафта являются а) избыточное увлажнение; б) наличие торфа; в) тип почвообразования; г) гидрофильность напочвенного растительного покрова. Научные классификации болот осуществляются по разным признакам: по растительности, по торфу, по характеру питающих вод, по приуроченности к рельефу и по комплексу признаков [7. С. 158]. В лингвистических работах концепт «болото» рассматривается в аспекте метафорического моделирования в научном дискурсе [10], в аспекте исследования мифологического сознания, нашедшего воплощение во фразеологическом фонде русского языка [11. С. 268–277]. В сопоставительном аспекте проведен анализ номинативных групп «болото» в русском (13 лексем) и немецком (9 лексем) языках [12]. Информация о лексических единицах, формирующих лексико-семантическое поле «болото» в русских говорах европейской части России, широко представлена в материалах и исследованиях, посвященных Лексическому атласу русских народных говоров [13]. Лингвокультурологическая ценность анализируемой природной реалии отражена в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» [14] в 38 пословицах и поговорках.

Выстраивая гипотезу данного исследования, мы исходили из того, что в сибирских говорах болото как природная реалия а) должно манифестироваться большим количеством лексических единиц по сравнению с литературным языком; б) собственно диалектные наименования болота должны продемонстрировать высокую степень сохранности в современном говоре.

Цель статьи заключается в том, чтобы с опорой на факторы региональности, темпоральности, локальности представить лингвистическую модель описания природной реалии. В работе используется метод моделирования, применяемый с опорой на понятие семантического поля. Данная методика анализа лексической семантики достаточно успешно применяется в отечественной лингвистике [15]. В большинстве работ поле понимается как «совокупность языковых единиц (главным образом лексических), объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [16. С. 380]. Методика моделирования реализуется также через представление концептуальных характеристик реалии, включающее анализ понятийного, аксиологического, ценностного слоев, отраженных в диалектной коммуникации. Элемент новизны применяемой

методики состоит в сочетании двух подходов к одному явлению, в результате которого анализ семантического поля дополняется концептуальным анализом, что дает возможность моделирования природной концептосферы той или иной территории с учетом не только понятийного уровня, но и аксиологической, образной составляющей совокупности концептов. Данный вид анализа можно охарактеризовать как семантико-концептуальный, поскольку его результаты интерпретируются далее с экстралингвистических позиций. Описание лексического уровня языка дополняется рассмотрением высказываний, содержащих информацию об анализируемой реальности.

Ядро семантического поля «болото» составляют лексемы, называющие болото по тем или иным свойствам, признакам; периферию образуют лексемы, связанные с понятием «болото» семантическими, мотивационными, функциональными отношениями (сема *болото* не является основной в структуре их лексического значения).

Материалом послужили иллюстративные материалы среднеобских словарей [17, 18], а также фрагменты текстов из Томского диалектного корпуса [19]. Обращение к корпусу дает возможность выявить частотность отдельных лексем, формирующих семантическое поле, а также определить динамику употребления тех или иных лексем на протяжении более чем семидесяти лет (с 1946 г. по настоящее время). В зону исследовательского внимания попали лексемы и их словообразовательные и фонетические варианты. В качестве дополнительного материала были привлечены лексемы высказывания из статей естественно-научного направления, материалы словарей литературного языка, словарь В.И. Даля, художественные тексты сибирских писателей.

Основные контуры семантического поля наименований болот в литературном и диалектном вариантах русского языка намечены в словаре В.И. Даля в статье, посвященной болоту. Лексема *болото* толкуется как «непротсыхающая грязь от родников или от натека по рыхлой почве; низкое сравнительно с околицею, место, постоянно заливаемое родниками, отчего и образуется особая растительность и кислая почва» [20. С. 110]. В определении отражены пространственные характеристики, представленные в горизонтальном членении пространства (*низкое место по сравнению с околицей*), принадлежность к гидросфере (*родники, натеки, непротсыхающая грязь*), отмечена специфика почвы и растительности, обусловленные свойствами биореалии. Даль отмечает, что особенно много местных названий существует для заросших болот (*крепь, согра, слотина, мочажина, мочага, плавни, грязи*). В статье приводится типологическая характеристика болот по разным признакам (семантические подполя). В большинстве фразеологизмов, помещенных в словарь, отражаются мифологические представления человека о том, что болото – это место, где обитает нечистая сила (паремии с компонентом «черт»): *Было бы болото, а черти будут; Не ходи при болоте, черт уши обмолотит* [Там же].

Кроме того, широко представлены мотивационные связи лексемы *болото*, которая выступает в качестве лексического мотиватора и образует с

мотивированными единицами следующие мотивационные модели: «место – лес, растущий на этом месте» (*болотник*); «место – животное, обитающее в этом месте» (*болотница*); «место – трава, растущая на этом месте» (*болотка*); «место – грибы, растущие на этом месте» (*болотовик*); «место – мифологическое существо, живущее в болоте» (*болотяник*). Большая часть лексем является многозначными. Так, *болотник* обозначает птицу, растение, лес, человека, *болоткой* называют лису и русалку.

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой *болото* толкуется как «топкое место, часто со стоячей водой» [21. С. 105]. Переносное значение лексемы формулируется как «все, что характеризуется косностью, застоём, отсутствием живой деятельности и инициативы» [Там же]. По сравнению со словарем В.И. Даля этот словарь содержит незначительное количество производных слов от лексемы *болото* (*болотный*, *болотистый*, *болотце*, *болотина*). Более малочисленной является и сетка значений, присущих той или иной единице, что свидетельствует о меньшей степени разработанности концепта «болото» в литературном языке. В сравнении с научным толкованием в дефиниции, приводимой в словаре, отмечено минимальное количество характерных признаков описываемой реалии (пространственная характеристика и вхождение в гидросферу).

В среднеобском говоре слово *болото* в переносном значении не зафиксировано.

Ядерную зону семантического поля «болото» составляют лексические единицы, именующие данный природный объект, а также единицы, характеризующие болото по разным основаниям. К ним примыкают именованья, обозначающие предметную сферу, в которых семантика болота занимает периферийное место.

1. Общие наименования болота в среднеобской диалектной коммуникации. Общие наименования, отражающие семантику топкого места, представлены в речи сибирских старожилов общерусской единицей *болото* и собственно диалектными лексемами *болоти'на*, *паду'н*, *ерга'й*: *Поди в паду'не' лазил? Паду'н – это болото. За паду'но'м были бугры* (Крив. Ег.¹); *Раньше вот в болоте-то и пили, у кажного на полях своё болото было, выкопают ямку и пьют. Мы всё лето там брали воду, мы с собой не возили. Ну болотна вода* (Зыр. Зыр.); *Ерга'й – болотистое место* (Крив. Пер.); *На болотине каргы'зик такой растёт* (Шег. Тыз.); *Болоти'на круг была* (Пар. Кед.). Ядерная зона этого субполя формируется также прилагательными *болотный*, *болотистый*.

В эту же группу входят лексические единицы, в семантике которых представлен не только денотативный компонент, но имеются и коннотации, выражающие отношение говорящего к данной реалии и маркированные пометами «снисходительное» (*боло'тишко*), «уменьшительно-ласкательное» (*боло'теч*-

¹ Сокращения названий областей, районов и населенных пунктов соответствуют сокращениям, принятым в томских диалектных словарях.

ко). Ласкательная форма *боло'тинка* отмечена в фольклорных текстах: *Я иду, иду боло'тинкой. Маиу, маиу рукой [из частушки]* (Ас. Митр.).

Высказывания, содержащие лексему *болото*, раскрывают представления сибирских старожилов о болоте как части окружающего их мира. Основную ценность для сибирских жителей болот представляет как **биоресурс**, что обусловлено, прежде всего, растущими на них ягодами: *Муро'шка родится в болоте, жёлта така', хоро'ша ягода. В кринку накладывают, заливают сахарной водой. Черёмуху брали, молולי кулями* (Шег. Мельн.); *Голубика. Она под вид черники, покрупнее и посветлее. И пья'ницей называли раньше, а щас большие голубикой называм. Она больше на болоте растёт. Здесь болотные места* (Колп. Мох.); *Есть брусника там, клюква в болоте, вот ходили в этот бор* (Пар. Нар.); *Чёрная смородина, голубица в болоте, живи'ка была, теперь переродилась. Черника, брусника, много брали её, еле унести* (Шег. Шег.). *Брусника и черни'га в сосняке больше растёт, а клюква на болоте. Черни'жский ягодник есть, брусни'жский, часто ягоднику много, а ягод мало. Кружка'ми, местами зарождается. Черёмуха бывает, смородина. Мы не ездим за ими. Свою ро'стили под окошком. У клюквы нет ягодника, она как на ниточке растёт, леси'нки есть, по кочкам расстилаются. На болоте растёт, на моху* (В.-Кет. Б. Яр); *У нас голубика да и всё. Она растёт на небольших кусточках, на кочках, в болоте. Она така' ягода, она то'ко в болоте растёт, она на гри'вах расти не будет. А я её протчим люблю. Си'зая. Черника растёт в бору, но она мельче'й. Та ишо' слаще и пресней. В голубике есть кислота, а она пресная. Клюква в болоте растёт* (Зыр. Зыр.). *Черника, смородина, черёмуха, земляника, на болоте вон клюква, брусника. Когда поспе'т много ягоды, сильно говорят ягода, хоро'ша* (Том. Колп.). Названия ягод образуют собственное семантическое поле, которое демонстрирует своеобразие того или иного региона и может стать предметом отдельного рассмотрения.

Собранная на болоте ягода служит не только источником питания для местных жителей, но и **является источником дохода**, что связано с возможностью продать ягоду или сдать заготовителям: *Вот с заимки придёшь, подои'шь коров, когда тебе дадут выходной, скорее, это, ведро и на болото, вот клюквы чё наберёшь, сдашь: глядишь, на себя чё-нибудь купишь, или картошка родится когда, продашь – на себя купишь. Вот так и жили* (Пар. Пар.); *Там тоже было болото, вот. И один год столько было клюквы много, что весной мы ходили собирали эту клюкву. И мы это, собирали, правда уже, её в ведро. И мы с Валеи, на палочке это ведро несёшь, принесёшь, мама это, в бочку, и мама ходила с нами, водой залила, как щас помню, и клюква это, стояла. Потом мама поехала в город, продала эту клюкву, но это мы уже, наверно, седьмые классы ок[о]нча'ли, и купила нам туфли, как сейчас я помню* (Шег. Вознес.).

Ценность болота как источника сбора ягоды для местных жителей заключается в его уникальности, поскольку на большинстве территорий это единственное место произрастания ягоды.

О значимости для человека «болотной» ягоды свидетельствует наличие обыденной типологии болот по видам растущих на них ягод: *клюквенное*

(клю'квичное) болото, голубичное болото, черничное болото, брусничное болото: Тут болото было голубишное (Кем. Мар. Кол.); Рек нету, Томь то'ко. Болото есть, мох растёт на этом болоте. Клю'квишно болото иногда называю, мох дерут (Кем. Крап.).

Источником питания и дохода для местных жителей являются **грибы, растущие на болоте**: Подоси'нники – наподобие груздя. Большие около осинного растения растёт. Опёнки растут в болоте тоже, берут много, коровя'тники растут, я их не употребляю (Зыр. Зыр.).

Болото – это уникальная экосистема, в которой соединяются водная и земная стихия, оно служит не только местом произрастания съедобных растений, но и **источником питьевой воды** в определенных условиях: Раньше вот в болоте-то и пили, у ка'жного на полях своё болото было, выкопают ямку и пьют. Мы всё лето там брали воду, мы с собой не возили. Ну боло'тна вода (Зыр. Зыр); Как весна, <паду'н> наливается от снега и хватат на три участка. Мос сделали, хороший мос, и трактора и машины ездют. Там заимка раньше была. Там по неделе жили. В болоте колодцы копали. А иногда квас возили, корча'жный, хороший (Крив. Перш.); Да, в лы'вке – в этой, в луже. В лужайках, в луже поглядишь. В эту ешо' поглядишь, а потом попьёшь. Какая ж она гряз'зна – никто не мараеет её. Она же чиста была. В болоте пили. Вот, по голуби'цу мы ходим. Что, с собой воду будим носить по болоту. Там кочки, треш-шо'бник. Тоже так же само воды наберёшь, это, маленько ногой пром-нёшь, прокрутишь. О, дырка, это, в каблуке выступила, где это, там вода. Платок тихнёшь крайчик, а то и без платка, так. Е'слив светла вышла, так так попьёшь. Никоды' не пили, чтоб где-то что-то искать (Шег. Мельн.).

Болото ценится жителями села как **место произрастания лекарственных растений**: Трили'стка есть, она от почек, вот я ей вылечился, она три листика, на болоте растёт. Есть их много (Колп. Куз.); На болоте растёт... От души'ца, васильки хорошо для пчёл, кипрей на болотах растёт, по корча'м растёт. Гречу'ха хорошо даёт мёду много (Шег. Мельн.); Возле боло'тов растёт така' трава. Вёх – его надо в болоте копать. (Кем. Яшк. Полом.).

Трава, растущая на болоте, **может использоваться для изготовления предметов обихода** (ковриков, подстилок): Чу'рги расстилали на полу и всё. И спали так. Чу'рги – это из аира плели, на болоте растёт. Ну там, кочмы из шерсти (Мол. Мол.).

Типичным растением для болот является мох, который используется **при строительстве домов и иных построек из дерева**: Мох вытягивает влагу, у нас пазы' в домах закладывают. Он бывает белый – на сухом болоте растёт. А на трясинном болоте может не вырасти. Из е'того трясинного-то и не выберешься порой. Ходишь там, голуби'ца растёт. Так ступа'ишь осторожно, аккуратно. Вот вы хо'дите, ши'бка не лазьте по бора'м, а то как уйдёте, так и не придёте. Мы-то ходим, так уж знам, так не па'дам (Пар. Луг.); Лес, растущий на болоте, используется в строительстве: Шифе-

ром кроют крыши, берёзовой больше, твёрдая. А для наще'на и боло'товая пойдёт. Сушат, На ветру лучше сушить (Зыр. Красн.).

В среднеобских говорах имеется специальное диалектное название, обозначающее совокупность всей многообразной растительности и мотивированное лексемой *болото* – *болотня'*: *На болоте растёт. Там и вода, и мо'хи, и цветы, и ягоды – всё болотня'* (Колп. Б.-Сар.), а также встречаются двусловные названия отдельных растений, содержащие отсылку к лексеме *болото*: *болотная морошка, (мурошка), Ванька болотный, Иван болотный* (белоголовник), *лютик болотный* (чистотел). *Болото* является лексическим мотиватором к лексемам, обозначающим предметы обуви. Специфика болотной почвы требует от человека специальной обуви, в которой можно передвигаться по непроходимым, заполненным водой местам, поэтому непременным атрибутом мужской экипировки являются резиновые сапоги с высокими голенищами, именуемые в диалекте *боло'тниками*: *В боло'тниках шли, чуть не по пояс засасывает* (Кем. Н.-Куз. У.-Нар.).

Утилитарная ценность болота заключается в том, что оно **служит источником биотоплива**: *Трунга' это жи'дкось на болоте. Трунго'й печку топят. Где тонкий слой трунды. Кило'метров пятнадцать возили трунду* (Шег. Труб.), а также местом произрастания деревьев, которые используются для отопления: *Грива – лес, чиста гри'вешна болота, где дрова, можно взять, дрова в болоте можно взять* (Шег. Гынг.).

Озера, расположенные в болотах, **используются местными жителями для рыбалки**: [*Промыслами какими-нибудь занимались? Охотились, рыбачили здесь?*] *Дак а у нас рыбачить только в болоте. [Только в болоте?] То'ко тут и здесь. А так-то это речка нет: восемнадцать кило'метров Бабарыкино, до Шегарки двадцать [неразб. 1 слово], а тут никаких нет, токо болота и озёра* (Шег. Баткат).

В то же время в высказываниях жителей сибирского села отражена негативная оценка болота, связанная с его влиянием на условия проживания человека, ухудшающего качество жизни. Некомфортную среду существования создают болотная сырость и кровососущие насекомые: *Они уж кусаются, ужасно кусаются. Тут шибко близко лес, болото. Поэтому комаров много* (Шег. Вознесенка); *Это вот четвёртая квартира. А три первых... одна в болоте, одна где-то там, усподи, мы замерзали в ней* (Колп. Инк.).

Вязкая почва болота представляет угрозу для человека, техники, домашних животных: *А зятьёк-то у меня из городу ехал, в те деревня-то прошёл пешком, а тут моцикле'т подверну'вси, и у самой ела'ньи с мосту первернулся и лю'льком придавило. А болотом затянуло, а я как узнала, так без памяти сделалася. Не дай-то бог. А дочь счас за другим живёт. Кто же мог подумать. В таком болоте смерть найти'ть. Под мос упал, достали уже неживого* (Шег. Бат.); *Ско'ко поутопи'ли в этом большом болоте то. На Карасок пойдут и... Ну трактора уходят туда, их потом вытаскивают* (Колп. Сар.).

В проанализированных высказываниях прослеживается тесная связь концепта «болото» с другими концептами гидросферы, такими как *озеро*,

ручей, родник, река, входящими в мегаконцепт *вода*, что может стать предметом дальнейшего анализа.

Таким образом, болото как экосистема занимает значительное место в повседневном существовании сельского человека и оценивается им положительно; ресурсы болота используются человеком в различных целях: для питания, лечения, устройства жилища. В то же время болото оказывает негативное влияние на жизнь человека, представляет угрозу его благополучию и в этом плане оценивается негативно.

Типология болот в обыденной коммуникации осуществляется с опорой на разнообразные признаки биореалии. Самая многочисленная группа лексем характеризует болото по наличию или отсутствию растительности на нем (обычно кочек, кустарника, леса), внутри группы выделяются две подгруппы.

2. Наименования болота по наличию / отсутствию растительности.

Данная группа является наиболее многочисленной, в ней зафиксировано 20 лексем и их вариантов. Большая часть лексем принадлежит к собственно диалектной лексике. Часть слов отмечена в словаре В.И. Даля (*моча'жина, моча'га, со'гра*).

а) Наименования болота без растительности: *голея'* «пустое, безлесное болотистое место», *по'нжа (па'нжа, по'ньджа)* «безлесное болото», *ура* «чистое болото»; *моча'г, моча'жина* «болото без кочек». Приведем контексты, в которых функционируют выявленные лексемы: *Чистое болото – голея'* (В.-Кет. Мох.); *Голея' – чистое болото, продольно', только на краях лес* (В.-Кет. М. Яр); *По'ньджа – чистое болото, ни одного прута – голея'* (Пар. Гор.); *По'ньджа – водянисто тако' болото называют, а по-нашему по'ньджа. Вот сегодня можно бы показать вам по'ньдью* (Пар. Гор.); *По'нжа на болоте. Чисто на ей, клюква родится, птичка боровая живёт* (Пар. Б.-Паш.); *А чисто болото, так по'нжа всё зовут и ура' ешию: оно одно и то же, а почему-то названья разны* (В.-Кет. М. Яр); *У'ра – чисто боло'то... На той уре' ла'живали* (В.-Кет. М. Яр); *Па'нжа за фирмой, нет конца и края болоту* (В.-Кет. Б. Яр). Достаточно часто при объяснении того, какой вид болота обозначает та или иная лексема, диалектоносители используют словосочетание «чистое болото», в котором прилагательное *чистый* употребляется в значении «свободный от кустарников и деревьев, не заросший».

б) Наименования болота, покрытого растительностью: *засо'рность* «заросшее болото», *колмихто'н* «кочковатое болото», *ко'ча, кочка', кочку'н, кочко'вник, кочко'вина, елга'н* «заболоченное место с кочками», *кочко'вое место, моча'г (мочо'к)* «непросьхающее болото с кочками», *со'гур* «низменное, кочковатое место под горой», *теса'н* «болото, поросшее хвойным лесом», *теса'нное болото, теса'нчик* «ласкат. к *теса'н*»; *рям* «болото с кочками, поросшее мелким лесом», *челба'к* «болото в тайге, поросшее лесом», *затя'га* «болото, поросшее травой, кочками»: *Засо'рность – заросше болотье, есь кочки, завалено сучьями, колодником* (Том. Карб.); *Кочко'вник – это в болоте кочки, это не в поле кочки. А есть кочки на сору', кошишь, а кочка' обросио'нная травой, а есть кочкови'на на покосе, и на бо-*

лоте есть кочкови'на (Колп. Колп.); Елга'н – место, как болото с кочками (Крив. Айк.); Сёдни в ряг ходили, еле доташишылись (Кож. Кир.); По ря'мам походишь, дак обезножишь (Кож. Кир.); Челба'к, на ём и лес и болото (Зыр. Цыг.); В челбаку' там всё вода стоит (Зыр. Цыг.); Боло'ты и челба'к – это боло'ты в тайге, и из их вытекает кака-нибудь речушка (Зыр. Пер.); А это теса'н, болото, а на ём лес мелкий, тесано'м называлось раньше. А вот мы, наверно, там называли, когда в Широково жили – теса'н и всё, а здесь белоя'рски, кого они знают, они интеллигентны, а ста'ры-то знают. (В.-Кет. Б. Яр); У старухи Лукеры тут пасека стояла, у ручья. Он из болота, тогда течёт, когда вода большая. Такие моча'жины, два ручья называются (Шег. Труб.); Грязно, заболоченно место – моча'жина, не пройдёшь по ей (Зыр. Шин.); Болото, оно вечное болото, на ём мох растёт, а моча'ги всяки, с дожжей бывает, дожжа нету, он обсох, нальёт дожжом ямки, там и стоит вода (Крив. Карн.); Затя'га бывает, когда озеро по краям превратится в болото, зарастёт травой, кочками (Крив. Ст. Ерг.).

3. Наименования болота по особенностям почвы. Эта группа делится на две подгруппы, различающиеся разной номинативной плотностью, свидетельствующей о большей актуальности признака топкости почвы по сравнению с признаком сухой для анализируемой реалии.

а) Обозначения видов топкого, вязкого болота: *зибу'н (зыбу'н), зыбня'к «болото с большим количеством воды и вязким дном; трясына», коло'к, око'лок «заболоченный участок среди леса», лабза' «зыбун, трясына»; ка'рша «болото, в котором подо мхом протекает река, а также сама река»; то'пость «трясына», трясня'к «трясына»: Зыбу'н – качается болото, бывает так, что на болото зайдёшь, и оно качается, зыбу'н называется. Трясына – са'мое же это болото. Кто зыбу'н называл, кто болото (Колп. Колп.); В лесу болотья', там несколько километров. Зыбу'н называют – топкое место. Тина такая – зыбу'н, пойдёшь там и утонешь (Колп. Инк.); Топь – топкое место, идёшь по воде и то'пко местами. Зыбу'н [зыбун] – идёшь в болоте, кочки, туда идти нельзя, утонешь там: «Ребятёшки, осторожнее!» (Колп. Колп.); Болото с водой – это ко'лки. Ко'лки в лесу (Крив. Крив.); Это болото есь ка'рша. В исподе под мохом речка. Иборвёшься туда, и потянет. Эта речка называется ка'ршей (В.-Кет. Мох.); Ла'бза у нас на озере, идёшь, даже мох качается, за полсотни метров шевелится (Зыр. Шин.).*

б) Обозначения видов сухого болота немногочисленны: *вы'гар «выжженное болото», вы'топь «высохшее болото», гать «засыпанное болото», со'гра «сухое болото, пространство, покрытое мхом»: Вы'гар – спалённое болото (Крив. Был.); Вы'топь – это значит вытоптанно. Было болото большо', постепенно болото вытекло, скот протоптал тропинку, травка началась, начали её косить (Кем. Крап. Крап.); На вы'топи клубника раньше была (Кем. Крап. Иван.); У нас позасыпанное, занаво'женное кото'ро болото гатью называют (Крив. Елг.); Гать у нас за деревней (Мол. Сул.); Со'гра – это болото, сухое, моховое болото, и кедрач на ём растёт. У меня дед вон набил нонче много шишек на со'грах-то (Том. Орл.).*

3. Наименования болота по цвету находящейся в нем воды, что связано с содержанием в почве окиси железа и торфа, функционирующие в большом количестве вариантов *ржа'вец, иржа'вец, ржа'вца, ржа'вчина* «торфяное болото с желтовато-бурой водой». Все лексемы являются мотивированными, они характеризуются яркой внутренней формой, соотносятся с лексическим мотиватором *ржавый*: *Прокисла вода, наржа'вела от травы, иржа'вец получают. Скотина не будет пить* (Пар. Нар.). Сюда же примыкает словосочетание *горелое болото* «болото, в котором, нагреваясь, тлеет торф»: *Горелое болото – когда болото тлеет* (Крив. В.-Был.).

4. Наименования болота по размеру: *а'дина, болоти'нка, балахти'нка (болохти'нка): Балахти'нка – в лес зайдёшь, что-то вроде маленького болотца* (Колп. Белояр.); *А'дина – болото где. Такое место, больши' оно, что прямо трясина* (Колп. Колп.).

5. Наименование болота по двум и более признакам (наличие / отсутствию растительности, степени заболоченности, размеру): *за'ймище* «высохшее болото, поросшее редким кустарником, лесом»; *затя'га* «топкое место, заросшее травой и кочками», *моча'г* «небольшое болото без кочек»: *Затя'га бывает, когда озеро по краям превратится в болото, зарастёт травой, кочками* (Крив. Ст. Ерг.).

Наивная классификация болотного ландшафта, представленная в лексике сибирских старожилов, обладает региональным своеобразием, что проявляется в номинативной плотности семантического поля, образуемого наименованиями болот по разным основаниям. Количество лексем для общего именованья болота и его видов значительно превышает количество лексем в словарях литературного языка и лексем, зафиксированных в словаре Даля. Обыденная типология в большей мере коррелирует с научной классификацией, представленной в трудах исследователей естественно-научного направления. Принципиальное ее отличие от научной стратификации заключается в том, что в зону типологизации попадают только те признаки, которые имеют значение для повседневной деятельности людей, влияют на условия их проживания. Этим положением объясняется тот факт, что, например, наличие торфа, являющееся одной из важнейших характеристик научной классификации, не проявилось в обыденной типологии, поскольку торф не используется жителями сибирского села в повседневной деятельности.

Региональное своеобразие и вариативность рассматриваемого семантического поля проявляется в наборе выражающих его лексем. Часть лексем являются славянскими по происхождению, и можно предположить, что они появились в Сибири вместе с первыми переселенцами из европейской части России. Так, диалектологи отмечают, что лексемы *моча, мочаг, мочажина* в значении «топкое, болотистое место» широко распространены в говорах на территории Орловской, Псковской, Ярославской, Владимирской, Курской областей и отражены в местных ойконимах (Мочаги, Мочаки) [22. С. 314, 350]. В словаре М. Фасмера древнерусское слово *моча* имеет значение «мокрота, влага, сырость» [23. С. 666]. Распространение дан-

ных лексем в говорах средней полосы России может быть одним из аргументов при доказательстве того, что русские старожильческие говоры Среднего Приобья были сформированы на основе говоров средней полосы России. Многие лексемы имеют прозрачную внутреннюю форму, являются мотивированными, мотивационные признаки указывают на зыбкость, неустойчивость почвы (*зыбун, тресняк*), особенности рельефа (*кочковый*). Другая, значительная часть лексем, преимущественно обозначающих разновидности болот, является заимствованной из разных языков, контактирующих с русскими диалектами. В «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» приведены этимологии анализируемых лексем, свидетельствующие о большом разнообразии подобных контактов. Так, из селькупского заимствованы *у'ра, ка'рша, по'ньджа*, из тюркских языков *елга'н, челба'к*, из финно-угорских *со'гра, ла'бза; тру'нда, рям* восходят к прибалтийско-финским языкам [24]. Происхождение самой лексемы *болото* А.Е. Аникин связывает с двумя возможными версиями: а) по белому цвету в болотной растительности, например по цвету сфагновых мхов, или по отсутствию ржавой окраски, характерной для болот с присутствием бурого железняка в почве, что находит аналогию в родственных лит. *bala* 'болото, торфяник', ср. также *бель* 'белая вещь' и 'болото'; 2) по скоплению стоячей воды, подтверждающейся многочисленными балканскими параллелями, в частности рум. *balta* 'скопление стоячей воды, лужа, пруд, стоячие воды, образуемые и питаемые разливами больших рек; болото' (близ Дуная), 'лужа, образовавшаяся после дождя' [25. С. 31–33].

Таким образом, предположение по поводу того, что концепт «болото» в сибирских говорах должен быть выражен большим количеством лексем по сравнению с литературным языком, подтвердилось в ходе анализа. Для того чтобы проверить гипотезу о сохранности лексики, именующей болото в диалекте, мы обратились к Томскому диалектному корпусу, отражающему в том числе материалы последнего десятилетия и, следовательно, дающего объективную картину современного лексического состояния говора. Приведем данные частоты употребления некоторых лексем:

СОТРА

Количество текстов, в которых встретилось слово: 11

Количество словоупотреблений: 14

МОЧАТ

Количество текстов: 8

Количество словоупотреблений: 11

РЯМ

Количество текстов, в которых встретилось слово: 1

Количество словоупотреблений: 1

МОЧА ЖИНА

Количество текстов, в которых встретилось слово: 1

Количество словоупотреблений: 1

МОЧОК

Количество текстов, в которых встретилось слово: 0

Количество словоупотреблений: 0

ГОЛЕЯ'

Количество текстов, в которых встретилось слово: 0

Количество словоупотреблений: 0

Выборка именно этих лексем не была случайной. Она показала слабую сохранность диалектной лексики, характеризующей болото по различным признакам. Наибольшим количеством словоупотреблений характеризуется единица *болото* (448 вхождений). Вместе с тем анализ научной литературы, посвященной изучению болот Западной Сибири, показал, что диалектные лексемы активным образом используются в болотоведении и даже участвуют в формировании его терминологической системы. Приведем лишь несколько примеров из научных статей: «Запасы биомассы эвтрофного болота сопоставимы с запасами биомассы *высокого ряма*. Микрорельеф *низкого ряма* волнистый из-за большого количества больших моховых подушек высотой около 30 см, диаметром до 3 м. <...> Растительность *низкого ряма* также относится к сосново-кустарничковосфагнувой ассоциации с низкой сосной» [26. С. 38, 53]; «В контрастных, но стабильных системах – кочки бугров и *мочажины* – наблюдаются меньшие колебания в запасах, чем в таких системах, как межкочья, где происходят неравномерное протаивание мерзлоты и образование термокарстовых просадок» [27. С. 55]; «Наибольшей величины достигает в хасырях мезотрофных *мочажин*, минимальной продукции – на мерзлых буграх» [28 С.129]; «...*согры* – лесные переходные и низинные болота, распространенные в долинах крупных и малых рек, а также на водораздельных плато, где они приурочены» [29. С. 212]; «*Галья*. Это «чистые» (т.е. без деревьев сфагновые болота с моховыми кочками или грядами («веретьями»), поросшими мелкими кустарничками – багульником, карликовой березкой, подбелом» [7. С. 161]. Таким образом, исчезая из активного употребления в диалекте, собственно диалектные лексемы успешно функционируют в научном дискурсе, пополняя и развивая его терминосистему.

Научному дискурсу присуща бóльшая образность при описании болота по сравнению с обыденным дискурсом. Так, болотная экосистема моделируется в понятиях живого и неживого: «В лабораторных условиях отобранные образцы разделяются на следующие фракции: фотосинтезирующие части трав, кустарничков, мхов, однолетние, многолетние побеги кустарничков, *живые и мертвые подземные органы* трав и кустарничков, *погребенные стволики*» [29. С. 53].

Региональный вариант русского языка формируется художественными текстами, авторами которых являются люди, родившиеся и выросшие в той или иной местности. Обращаясь к описанию природы, они используют диалектную лексику для передачи природного своеобразия [30]. Восприятие природы, отраженное в произведениях, коррелирует с восприятием ее сельскими жителями в обыденном дискурсе. Болото рассматривается как место охоты, рыбалки, место сбора ягоды, грибов, ореха. Болото осмысливается как часть своего пространства, связанного с малой родиной. Так, рас-

сказ Юрия Лаврова «Мое болото» заканчивается такими словами: «Думаю я закончить свое повествование на этом о красотах Васюганского края. Теперь его зовут еще и Край Кедровый. Так стали называть это место по городу, который построили в Пудинском бору. Если получится, расскажу когда-нибудь об этом. Ну вот, и похвалился я своим болотом. Каждый кулик хвалит свое болото. Болото же это засосало меня на всю жизнь. Здесь я родился, здесь живу. Этим и горжусь!» [31. С. 85–86].

Итак, как показал лингвистический анализ, региональное своеобразие фрагмента природного мира отражается в разных типах дискурса: в обыденном, научном, художественном. Дискурсивная принадлежность определяет степень варьирования анализируемого концепта «болото». Так, в повседневной коммуникации представленным оказывается понятийный и аксиологический слой, в научном – понятийный и образный, в художественном – понятийный, образный, аксиологический, символический. Данные выводы носят предварительный характер, они нуждаются в подтверждении на более обширном материале. Основные результаты касаются наблюдений, сделанных по поводу выявления потенциала диалекта как формы коммуникации в выражении региональной специфики болота как сложной, уникальной экосистемы Сибири. Региональная специфика концепта «болото» обнаруживается в системе наименований болот, а также в широкой представленности наименований предметного мира, связанного с изучаемой реалией. Лексика, описывающая болото, может быть представлена в виде семантического поля, границы которого смыкаются с другими полями, описывающими мир природы, в частности семантическое поле ягоды. Региональное своеобразие отражается в наборе лексем, формирующих семантическое поле, являющихся разными по происхождению и отражающих многочисленные контакты русского населения с коренными народами Сибири.

Анализ лексических репрезентаций концепта дополняется анализом высказываний, содержащих лексему *болото*, которая служит индикатором измерения степени значимости природы для повседневного существования человека. Результаты анализа связаны с интерпретацией языковых данных в когнитивном, лингвокультурологическом, динамическом аспектах. Существенным для понимания роли диалектов в развитии русского национального языка является, на наш взгляд, вывод о том, что диалектные единицы, исчезая из диалектной коммуникации, получают «прописку» в научном дискурсе, формируя его терминосистему. Обыденная классификация природных реалий свидетельствует о специфике когнитивных оснований категоризации мира в диалектной форме коммуникации. Степень детализации лексического представления концепта «болото» определяется его дискурсивной значимостью. В связи с этим описываемый концепт представлен в среднеобских говорах значительно более подробно, чем в литературном языке и в других диалектных системах, что обусловлено особой значимостью для жителей деревень данного региона болотного ландшафта. Степень подробности лексической репрезентации исследован-

ного концепта в системе диалекта оказалась сопоставимой с характером его проявленности в научном дискурсе, где разнообразие болотного ландшафта является столь же значимым, но имеет другие причины. Кроме того, в процессе сопоставления дискурсов выявлены зона пересечения аспектов лексически оформленной таксономии болотной среды, а также совпадение целого ряда лексем, номинирующих ее компоненты.

Литература

1. Рабенко Т.Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 49 с.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику : язык, этнос, этногенез, политика : курс лекций и хрестоматия. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 456 с.
3. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6. С. 20–37.
4. Нефедова Е.А. Русские диалекты в современной языковой ситуации // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 35–37.
5. Вендина Т.И. Русская природа в диалектном слове (по материалам атласа русских народных говоров) // Славянский альманах. 2017. № 1, 2. С. 316–331.
6. Иоганзен Б.Г. Природа Томской области. Томск : Кн. изд-во, 1959. 150 с.
7. Евсеева Н.С. География Томской области: (Природные условия и ресурсы). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 223 с.
8. Томская область // Официальный интернет-портал Администрации Томской области. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та. URL: <https://tomsk.gov.ru/nature-newtsc> (дата обращения: 10.12.2019).
9. Большая российская энциклопедия. URL: bigenc.ru (дата обращения: 10.12.2019).
10. Киндеркнехт Я.А. Метафоризация концепта «болото» в научных текстах русского языка // Филологические чтения. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2018. С. 427–434.
11. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М. : Гнозис, 2007. 512 с.
12. Войтецук И.В. Способы номинации макроконцепта «вода» в немецком и русском языках // Вестник Вятского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 111–114.
13. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб. : Нестор-История, 2017. 686 с.
14. Пословицы русского народа / В.И. Даль. М. : АСТ [и др.], 2008. 750 с.
15. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. М. : Флинта, 2019. 336 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
17. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби Т. 1: [А–Е] / сост. В.В. Палагина и др. ; под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. 142 с.
18. Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби: Дополнение / сост. Г.М. Чигрик и др. ; под ред. О.И. Блиновой ; Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева Ч. 1: А–М. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. 279 с.
19. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии ТГУ. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 10.12.2019). Доступ для зарегистрированных пользователей.

20. *Толковый словарь живого великорусского языка* : в 4 т. Т. 1: А–З / В.И. Даль. М. : Терра, 1995. 699 с.
21. *Словарь русского языка* : [в 4 т.]. Т. 1 А–Й / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А.П. Евгеньева ; ред. А.П. Евгеньева и Г.А. Разумникова]. М. : Рус. яз., 1981. 696 с.
22. *Ларина Л.И., Малыгина Т.М., Писарева Л.Е.* Географическая лексика со значением ‘природный водный объект’ в курской топонимике // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 341–351.*
23. *Этимологический словарь русского языка* : более 4500 слов : в 4 т. Т. 2: Е – Муж / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Астрель [и др.], 2004. 671 с.
24. *Аникин А.Е.* *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков.* Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.
25. *Аникин А.Е.* *Русский этимологический словарь.* Вып. 4: боле–бтарь. М. : Знак, 2011. 328 с.
26. *Головацкая Е.А.* Биологическая продуктивность олиготрофных и эвтрофных болот южнотаежной подзоны Западной Сибири // *Journal of Siberian Federal University. Biology.* 2009. № 2. С. 38–53.
27. *Косых Н.П., Мироньчева-Токарева Н.П., Паришина Е.К.* Биологическая продуктивность болот лесотундры Западной Сибири // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2008. Вып. 4 (78). С. 53–56.
28. *Волкова И.И., Волков И.В., Косых Н.П. и др.* Горная озерно-болотная система урочища Ештыкёль (Горный Алтай) // *Вестник Томского государственного университета. Биология.* 2010. № 1 (9). С. 119–137.
29. *Терентьева И.Е., Сабрекова А.Ф., Глаголева М.В. и др.* Новая карта болот южной тайги Западной Сибири для оценки эмиссии метана и диоксида углерода // *Водные ресурсы.* 2017. Т. 44, № 2. С. 209–220.
30. *Колыхалов В.А.* *Июльские заморозки: повести.* М. : Молодая гвардия, 1973. 352 с.
31. *Лавров Ю.* *Зов тех болот: Литературно-художественное издание.* Тюмень : Изд-во ГАУК ТОНБ, 2018. 152 с.

The World of Nature in the Mirror of the Dialect (A Case Study of the Concept “Swamp”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 62. 85–103. DOI: 10.17223/19986645/62/6

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

Keywords: dialect, nature, concept, semantic field, regional discourse, everyday communication, typology, variability.

The study is supported within research work No. NU 8.1.05.2019 “The Natural World of Siberia in the Mirror of the Dialect”

The article discusses the conceptualisation of the world of nature in dialect discourse based on the concept “swamp”, which is region-specific. The swamp is a significant part of the Siberian landscape; it affects the living conditions and human activities. The concept is verbalised by lexical and syntactic units of the language. At the lexical level, the concept is modeled through an appeal to a rather broad semantic field. The nuclear zone of the field is structured by lexemes denoting types of swamps classified on different grounds. Then follow lexemes representing the denotative sphere of objects associated with the swamp: names of berries, mushrooms, trees, shrubs growing in a swamp, footwear (for example, bolotniki “rubber boots with high legs designed to move around the swamp”). The dialect classification

of swamp types has more elements in comparison with the standard language one; it is expressed by a wide range of lexical units that are different in origin and reflect the historical, ethnic, and natural originality of Siberia, contacts of Russian dialects with indigenous languages. The lexical classification of the names of the swamp is supplemented by the analysis of statements explicating the cognitive foundations of the division of the world as presented in dialect communication. Most statements recorded in situations of live easy communication contain the lexeme swamp and reflect rural residents' utilitarian ideas about the swamp as a biological resource used in various activities. The statements reflect negative assessments of the swamp: the swamp creates inconveniences for life and has an adverse effect on its quality. The data of the Tomsk dialect corpus, which contains materials of recent years, do not confirm the hypothesis about the good preservation of the vocabulary denoting nature in the dialect. The most frequently used lexeme is the all-Russian swamp. Dialect names are generally used in answers to dialect collectors' questions and are not numerous. A comparison of dialect discourse with the scientific one showed that some dialect lexemes are widely used in telmatology as terms (*mochazhina*, *sogra*, *ryam*). In the author's opinion, this observation shows the role of dialects in the formation of speech styles of the national language, its importance as a source of replenishment and enrichment of the vocabulary. The analysis shows that regional variants of the Russian language are created by various discursive practices, primarily related to the perception of the surrounding nature. The outlined contours of the comparison of ordinary and literary speech testifies to the variable nature of the concept "swamp" manifested in the different development of its layers. In literary texts, utilitarian ideas about the swamp are complemented by its aesthetic perception, figurative, symbolic components. The swamp is considered in the article as an element of the regional conceptosphere, connected by semantic, motivational, functional and other links with other concepts, which requires further study.

References

1. Rabenko, T.G. (2018) *Zhanry estestvennoy pis'mennoy russkoy rechi v variantologicheskoy aspekte* [Genres of Natural Written Russian Speech in the Variantological Aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kemerovo.
2. Gerd, A.S. (2005) *Vvedenie v etnolingvistiku: [yazyk, etnos, etnogenez, politika]: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: [Language, Ethnos, Ethnogenesis, Politics]: Lecture Course and Anthology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2016) Transformation of the Siberian Food Tradition in the Discourse of a Dialect Language Personality: Products and Dishes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6. pp. 20–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/2
4. Nefedova, E.A. (2013) [Russian Dialects in the Modern Language Situation]. *Regional'nye varianty natsional'nogo yazyka* [Regional Variants of the National Language]. Proceedings of the International Conference. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 35–37.
5. Vendina, T.I. (2017) Russian nature and the dialectal word (on the materials of "Lexical Atlas of Russian Dialects"). *Slavyanskiy al'manakh*. 1--2. pp. 316–331. (In Russian).
6. Ioganzen, B.G. (1959) *Priroda Tomskoy oblasti* [The Nature of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Evseeva, N.S. (2001) *Geografiya Tomskoy oblasti (Prirodnye usloviya i resursy)* [Geography of Tomsk Oblast (Natural Conditions and Resources)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Tomsk Region Administration. (n.d.) *Priroda* [Nature]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/nature-newrec>.
9. *Great Russian Encyclopedia*. [Online] Available from: <https://bigenc.ru>. (In Russian).
10. Kinderknekt, Ya.A. (2018) [Metaphorization of the Concept "Swamp" in Scientific Texts in Russian]. *Filologicheskie chteniya YarGU im. P.G. Demidova* [Philological Readings of Yaroslavl Demidov State University]. Proceedings of the International Conference. Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 427–434. (In Russian).

11. Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) (2007) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis.
12. Voyteshchuk, I.V. (2015) Ways of Nominations of the Macroconcept “Water” in Russian and German. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1. pp. 111–114. (In Russian).
13. Myznikov, S.A. (ed.) (2017) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Research)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. Dahl, V.I. (2008) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow: AST.
15. Abramov, V.P. (2019) *Semanticheskie polya russkogo yazyka* [Semantic Fields of the Russian Language]. Moscow: Flinta.
16. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka.
17. Palagina, V.V. (ed.) (1964) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Old-Russian Dialects of the Middle Part of the Ob River Basin]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
18. Blinova, O.I. (ed.) (1975) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Sredney chasti basseyna r. Obi. Dopolnenie* [Dictionary of Old-Russian Dialects of the Middle Part of the Ob River Basin. Supplement]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University.
19. *Tomsk Dialect Corpus*. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus/demo>. (In Russian).
20. Dahl, V.I. (1995) *Tolkovnyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 1. Moscow: Terra.
21. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Larina, L.I., Malykhina, T.M. & Pisareva, L.E. (2015) Geograficheskaya leksika so znacheniem ‘prirodnyy vodnyy ob’ekt’ v kurskoy toponimike [Geographical Vocabulary with the Meaning ‘Natural Water Body’ in Kursk Place Names]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Research)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 341–351.
23. Vasmer, M. (2004) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 2. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Astrel'.
24. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoziat'skikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altai and Paleo-Asiatic Languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka.
25. Anikin, A.E. (2011) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Issue 4. Moscow: Znack.
26. Golovatskaya, E.A. (2009) Biological Productivity of Oligotrophic and Eutrophic Mires in the Southern Taiga of Western Siberia. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Biologiya – Journal of Siberian Federal University. Biology*. 2. pp. 38–53. (In Russian).
27. Kosykh, N.P., Mironycheva-Tokareva, N.P. & Parshina, E.K. (2008) Biologicheskaya produktivnost' bolot lesotundry zapadnoy Sibiri [Biological Productivity of Swamps in the Forest-Tundra Western Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (78). pp. 53–56.
28. Volkova, I.I. et al. (2010) High-Land Eshtykyol Lake-Mire System, Mountain Altai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya. – Tomsk State University Journal of Biology*. 1 (9). pp. 119–137. (In Russian).

29. Terent'eva, I.E. et al. (2017) A New Map of Wetlands in the Southern Taiga of the West Siberia for Assessing the Emission of Methane and Carbon Dioxide. *Vodnye resursy – Water Resources*. 44 (2). pp. 209–220. (In Russian).

30. Kolykhalov, V.A. (1973) *Iyul'skie zamorozki. Povesti* [July Frosts. Novels]. Moscow: Molodaya gvardiya.

31. Lavrov, Yu. (2018) *Zov tekhn bolot* [The Call of Those Swamps]. Tyumen: Izd-vo GAUK TONB.